

Посвящается Дэйву Балчину

*И когда люди не могли более сносить их,
исполины обратились против них
и поглотили человечество.*

Книга Еноха

НЕЧТО
НА МОЩЕНОЙ
ЛЕСТНИЦЕ

1874

Потерянные дети

Впервые Элиза Грей увидела ребенка в сумерках в товарном вагоне, медленно движущемся по залитому дождем участку железной дороги в трех милях к западу от городка Бери-Сент-Эдмундс, расположенного в английском графстве Саффолк. Ей, неграмотной и не имевшей представления о мире девчонке с темными, как дождь, глазами, было шестнадцать лет; голодная, не евшая с позапрошлой ночи, она бежала без оглядки, не надев даже пальто и шляпы, потому что не знала, куда направляется и что ее ждет дальше. На шее у нее все еще виднелись следы пальцев бывшего нанимателя, на ребрах — синяки от его сапог. В животе она носила его ребенка, хотя еще не догадывалась об этом. Она оставила умирающего хозяина в ночной рубашке с торчащей из глаза заколкой.

С тех пор девушка не останавливалась. Когда она, спотыкаясь, вышла из-за деревьев и разглядела по ту сторону темнеющего поля приближающийся товарняк, то и не надеялась, что успеет добежать до поезда. Все же она каким-то образом перелезла через забор и под ледяными струями дождя пробралась через раскисшее поле, а потом принялась карабкаться по насыпи, то и дело поскользываясь и падая в жирную грязь, пачкавшую ей юбки, но, даже несмотря на это, продолжая отчаянно царапать землю и упорно двигаться дальше.

В тот момент она услышала лай собак. Увидела, как из-за деревьев во тьме вырастают силуэты всадников, вереницей

скачущих вдоль ограды вслед за мчащимися вперед черными псами. Всадники прищпоривали лошадей, пуская их галопом, и, когда она уже ухватилась за поручень вагона и из последних сил подтянулась, чтобы взобраться на площадку, послышался звук выстрела. Что-то мелькнуло перед ее глазами, она обернулась и увидела всадника в цилиндре — отца убитого ею мужчины, который с грозным видом поднялся в седле и перезаряжал винтовку. Не успел он прицелиться, как она бросилась внутрь вагона, зарылась в кучу соломы подальше от двери и, тяжело дыша, неподвижно лежала, пока поезд набирал скорость.

Должно быть, она заснула, а когда проснулась, ее волосы прилипли к шее, пол вагона по-прежнему с грохотом раскачивался, дождь лил через открытую дверь. В полутьме вырисовывались очертания перевязанных бечевкой ящиков с этикетками «Грин Кинг» и валявшихся на соломе деревянных досок.

Но, помимо этого, в стороне она увидела что-то еще: какое-то синеватое мерцание, похожее на всполохи далеких молний. Сначала Элиза приняла его за свет лампы, но когда подползла поближе, то выяснилось, что это не так. На соломе лежал спящий ребенок. Мальчик.

Элиза запомнила это мгновение на всю жизнь. Запомнила, как лицо ребенка мерцало голубым светом, будто сквозь его кожу проходили лучи фонаря. Как вены на щеках, ручках и шее младенца переплетались в причудливом узоре.

Девушка подползла ближе.

Рядом с ребенком лежала его мать. Она была мертва.

Что управляет жизнью, если не случай?

Элиза наблюдала, как исходящее от крошечного существа свечение постепенно гаснет. В это мгновение перед ее мысленным взором эпизод за эпизодом пролетела вся ее жизнь: картинки того, чем она была и чем станет. Скрючившись на коленях на раскачивающейся в такт вагону соломенной

куче, она почувствовала, как замедляется ее сердце. Нет, этого не может быть. Наверное, голубое сияние ей просто привиделось от усталости, страха и боли, от неизвестности впереди.

— Кто же ты, малыш? — прошептала она. — Откуда ты взялся?

Элиза не считала себя какой-то особенной, не считала себя умной. Она прекрасно знала, что ничем не выделяется, потому что ей твердили об этом с раннего детства. Если ее бессмертная душа принадлежала Иисусу, то брменная плоть могла достаться любому, кто был готов накормить ее, одеть и дать кров. Так уж устроен мир. Но сейчас, под барабанную дробь ледяных капель, когда накопившаяся усталость навалилась на нее, словно дверь, ведущая в пустоту, она прижала к себе ребенка и с удивлением ощутила ранее неизвестное ей чувство. Оно напоминало гнев и отдавало такой же дерзостью, но все же это был не он. Никогда еще в жизни она не держала на руках существа настолько беспомощного и настолько неготового к жизни в этом мире. Элиза зарыдала, грустя о себе и о ребенке, сожалея о том, чего уже не могла исправить, а потом, выплакавшись, просто села, держа младенца на руках, и стала смотреть на дождь.

Элиза Маккензи Грей. Таково было ее полное имя, которое она шепотом повторяла малышу, словно открывая ему некую тайну, но не решаясь добавить: *«Маккензи, потому что так звали моего отца, доброго человека, которого Господь забрал слишком рано»*. Еще она не добавила: *«Грей, потому что так звали того, кто взял в жены мою овдовевшую мать; высокого, как отец, и прекрасного, как дьявол, мужчину, задурившего ей голову, но быстро доказавшего, что не стоит верить его красивым речам»*. Всего лишь через неделю после бракосочетания его очарование развеялось в парах алкоголя и в звоне бутылок, перекатывающихся по полу их убогого жилища на севере Лестера. По утрам он взял обыкновение грубо помогать Элизе, чего она, совсем еще девочка, не понимала, ощущая только боль и глухой стыд. Когда Элизе было тринадцать, мать

продала ее в услужение; девочка навсегда запомнила, как мать с сухими глазами и сжатыми добела губами отправляла ее в агентство, готовая на все, лишь бы избавить дочь от этого ужасного человека.

Но ей встретился другой — ее новый работодатель, отпрыск семейства сахарного промышленника, носивший тонкий жилет с карманными часами и ухоженные усики, который однажды позвал Элизу в свой кабинет и спросил, как ее зовут, хотя к тому времени она работала в его доме уже два года. Как-то раз он тихонько постучал в дверь ее комнаты, беззвучно вошел, держа в руке свечу, и закрыл дверь за собой, прежде чем она успела встать с кровати и спросить, в чем дело. Теперь он лежал мертвый за много миль, на полу ее комнаты в луже черной крови.

Убитый ее собственной рукой.

Небо на востоке начало светлеть. Когда ребенок захныкал от голода, Элиза вынула из кармана единственную оставшуюся у нее корочку хлеба, тщательно прожевала ее и вложила ему в рот. Тот принялся голодно посасывать кашицу, раскрыв глаза и не сводя взгляда с девушки. Кожа его была такой бледной, что под ней проступали уходящие вглубь тельца голубые вены. Элиза подползла к мертвой матери малыша и вытащила из складок ее юбки небольшую пачку фунтовых банкнот и маленький кошелек с монетами. Аккуратно развязав плащ женщины и вынув из рукавов ее руки, она откатила тело в сторону. На шее у покойницы висел кожаный шнурок с двумя тяжелыми ключами. От них все равно не было никакой пользы, так что Элиза даже не попыталась их отвязать. Лиловые юбки покойницы оказались для нее слишком длинными, и, бормоча зауспокойную молитву, девушка закатывала их, подтыкая у пояса. Мать младенца, в отличие от Элизы, была довольно полной, даже пухловатой, с темными волосами; на ее груди и ребрах виднелись странные шрамы в виде неровных бороздок и пузырчатые следы — не как от ожогов или оспы, а такие, будто плоть ее расплавилась и так и застыла. Элиза даже думать не хотела о том, что могло бы нанести такие раны.

Новая одежда оказалась мягче ее собственной, нежнее и тоньше. На рассвете, когда паровоз затормозил на небольшом перегезде, Элиза с ребенком на руках выскочила из вагона и пошла по рельсам к первой попавшейся платформе. Они оказались в деревушке Марлоу, а так как это имя было не хуже и не лучше других, Элиза решила так и назвать мальчика — Марлоу. Остановившись в единственной гостинице у старого трактира, она заплатила за комнату и улеглась на чистые простыни, даже не сняв ботинки. Ребенок прижался к ее теплой мягкой груди, и вместе они заснули.

Утром она купила билет третьего класса на поезд до Кембриджа, откуда они с малышом доехали до вокзала Кингс-Кросс, располагавшегося в мрачном, окутанном дымкой Лондоне.

Денег матери младенца надолго не хватило. В Ротерхите Элиза рассказала, что ее молодой муж погиб, когда попал на телеге в аварию, и что ей нужна работа. Она нашла место и жилье в пабе лодочника на Черч-стрит, ночуя вместе с хозяином и его женой, и некоторое время была вполне довольна жизнью. Девушка не возражала против тяжелой работы, мытья полов, расстановки по полкам банок, взвешивания и просеивания муки и сахара из бочек. Оказалось даже, что она неплохо справляется с подсчетами. По воскресеньям Элиза брала Марлоу на прогулку через весь район Бермондси в Баттерси-парк, где за высокой травой сквозь дымку виднелась Темза. Там она развлекалась тем, что шлепала босиком по лужам, бросалась камнями в гусей и пела малышу колыбельные собственного сочинения под безразличными, похожими на потухшие огоньки свечей взглядами придорожных нищих. К тому времени беременность ее стала почти заметной, что весьма тревожило ее, поскольку она понимала, что носит ребенка бывшего хозяина. Однажды, когда она тужилась на ночном горшке, все ее тело охватила жесткая судорога и наружу вышло нечто красное и скользкое.

Несмотря на ужасную боль, девушка даже обрадовалась, что все так закончилось.

Одним туманным июньским вечером Элизу на улице, где в воздухе стояла поднимающаяся от Темзы вонь, остановила некая женщина. Тогда девушка работала прачкой в Уоппинге, денег едва хватало им с малышом на еду, и они спали под виадуком. Платок ее превратился в лохмотья, руки покрывали пятна и красные язвы. Остановившая Элизу женщина была огромного роста, почти великаншей, с плечами борца и густыми белыми волосами, заплетенными в косу. Глаза у нее были маленькие и черные и напоминали начищенные до блеска пуговицы на хороших сапогах. Она представилась именем Бринт. Говорила Бринт с сильным американским акцентом. Она сказала, что и сама бы испугалась, увидев в полумраке кого-то вроде себя, но заверила Элизу, что им с малышом нечего опасаться, ведь каждый человек чем-то отличается от других, пусть даже эта разница незаметна, и это служит лишь проявлением чуда Господнего. Как выяснилось, великанша уже несколько лет работала на ярмарках и прекрасно понимала, какое впечатление оказывает на людей, но недавно познакомилась с его преподобием Уокером, которому сейчас прислуживает в театре «Голова Турка». И, извинившись за излишнюю настойчивость, великанша заинтересовалась, не даст ли Элиза ответ на вопрос: обрела ли она уже спасение?

Девушка ничего не ответила, а лишь продолжила молча стоять, и тогда широкоплечая Бринт откинула капюшон, чтобы разглядеть лицо ребенка. В этот момент Элиза ощутила какое-то беспокойство, будто Марлоу был сам не свой, словно происходило что-то не то. Но младенец лишь мирно спал. Тут Элиза обратила внимание на покрывавшие руки женщины и уходившие под рукава татуировки — вроде тех, которыми хвастается какой-нибудь матрос, только что вернувшийся из Вест-Индии: переплетение странных существ с чудовищными мордами. Они виднелись и на шее женщины, словно покрывали все ее тело.

— Не бойся, — сказала Бринт.

Но Элиза не боялась, она просто не видела раньше ничего подобного.

Бринт, проводив ее по темному переулку и через покрытый лужами двор, подвела Элизу к ветхому театру, выходящему на грязную реку. Внутри небольшого, едва ли превосходящего размером железнодорожный вагон помещения было дымно и тускло. Преподобный Уокер в рубашке и жилете расхаживал по маленькой сцене при свете бросающих на его лицо отблески свечей и, обращаясь к толпе моряков и уличных бродяг, разглагольствовал о грядущем апокалипсисе. Закончив проповедь, он принялся рекламировать эликсиры, притирания и мази собственного приготовления. Позже Элизу с ребенком отвели за кулисы, где преподобный — худой мужчина — сидел, вытирая полотенцем лоб и шею. Сказать по правде, по росту его можно было принять за мальчика, но волосы проповедника покрывала седина, а его усталые глаза горели огнем. Мягкими, дрожащими пальцами он отвинтил крышку пузырька с опиумной настойкой.

— Существует лишь одна Книга Христа, — произнес он тихим голосом и поднял налитые кровью глаза. — Но разных видов христиан во всем мире едва ли не столько, сколько всего людей когда-либо ходило по этой земле.

Он сжал кулак, а потом разжал, растопырив пальцы.

— Множество из одного, — прошептал он.

— «Множество из одного», — повторила Бринт, словно вознося молитву. — Этим двоим негде жить, ваше преподобие.

Его преподобие что-то пробурчал и сверкнул глазами. Казалось, будто он совершенно забыл про окружающих и полагал, что находится один. Губы его безмолвно шевелились.

Бринт ткнула Элизу в бок:

— Просто он сейчас устал. Но ты ему понравилась, дорогуша. И ребеночек тоже. Так ты хочешь выспаться?

Они остались. Сначала на одну ночь, затем на сутки, потом на неделю и на следующую. Элизе нравилось, как Бринт

воркует с ребенком, да и, кроме женщины и его преподобия, в театре никого больше не было: великанша выполняла всю домашнюю работу, а проповедник под скрип досок старого здания смешивал эликсиры, по выражению Бринт, «споря с Господом Богом через закрытую дверь». Сначала Элиза подумала, что Бринт с его преподобием любовники, но потом поняла, что он не интересуется женщинами, испытав при этом величайшее облегчение. Элиза стирала, ходила за покупками и даже немного готовила, хотя Бринт каждый вечер и гримасничала, нюхая кастрюлю с ее стряпней. Еще девушка подметала зал, помогала подрезать свечи на сцене и ежедневно выстраивала скамейки из досок и кирпичей.

Стоял октябрь, когда в театр явились двое мужчин в строгих пальто. Тот, что был повыше, провел рукой по мокрой бороде, пряча глаза под полями цилиндра. Однако Элиза сразу же узнала его. Это был отец ее покойного работодателя.

Спрятавшись за занавесом, она задрожала всем телом, мечтая исчезнуть, но все же не находя сил отвести глаз от мрачной фигуры. Она столько раз представляла себе этот момент, просыпаясь ночью в поту. Оцепенев, Элиза следила, как суровый мужчина, изучая лица, обходит толпу, и словно дожидалась, когда он ее заметит. Но он не посмотрел в ее сторону. Встретив в дальней части театра своего спутника, он расстегнул пальто и достал золотые карманные часы на цепочке, а затем они вдвоем протиснулись к выходу, будто опаздывая на какую-то встречу, и исчезли в туманном Уоппинге. Элиза тяжело вздохнула.

— Кто это был, детка? — спросила Бринт позже глухим голосом, сжав покрытые татуировками кулаки, на которых плясали отблески фонарей. — Что они с тобой сделали?

Но Элиза ничего не сказала, не осмелилась рассказать, что она сделала с ними, а только крепче сжала ребенка и задрожала. Это не было совпадением, она знала, что за ней охотятся и будут охотиться всегда. Ощущение спокойствия, которое только-только начало окутывать ее в этом месте, где она жила

с Бринт и преподобным Уокером, развеялось. Ей нельзя было здесь оставаться. Это было бы неправильно.

Но она не ушла. Не нашла в себе сил. И однажды серым утром, когда она брела по Раньянс-Корт с ведром воды для стирки, перед ней выросла Бринт, доставшая из-под своей широкой юбки сложенный лист бумаги. У забора неподалеку валялся какой-то пьяница. На веревке сушилось белье. Элиза взяла протянутый великаншей лист, развернула его и увидела свой портрет.

Это был обрывок газеты с объявлением о вознаграждении за поимку убийцы.

Элиза не умела читать и только спросила:

— Там мое имя?

— Ох, милая, — прошептала Бринт.

И Элиза рассказала ей все — прямо там, посреди мрачного заднего двора. Сначала она говорила сбивчиво, запинаясь, потом в страшной спешке и, по мере того как продолжала говорить, ощущала облегчение, удивляясь тому, как раньше держала свою историю в тайне. Она рассказала о хозяине в ночной рубашке, об отблесках свечи в его глазах, сверкающих голодом, о том, как ей было больно и как боль продолжалась, пока он не закончил свое дело, о том, что его руки пахли лосьоном, и о том, как она, корчась от боли, ощупывая пальцами комод, наткнулась на... *какую-то вещь*, что-то острое, и ударила его этой штуковиной, осознав, что сделала, только после того, как оттолкнула его от себя. Рассказала она и о вагоне товарного поезда, и о лампе, которая вовсе не была лампой, и о том, как выглядел ребенок в ту первую ночь, и даже о банкнотах, найденных в одежде его оцепеневшей матери. Закончив, она посмотрела на Бринт, которая уселась на перевернутое ведро, сжав губы, высоко подняв свои крупные колени, выставив вперед живот и закрыв глаза.

— Бринт? — промолвила Элиза, снова ощутив страх. — За меня предлагают большую награду?

При этих ее словах Бринт подняла руки, покрытые татуировками, и осмотрела их, словно решая какую-то загадку.

Оглавление

НЕЧТО НА МОЩЕНОЙ ЛЕСТНИЦЕ. 1874	7
1. Потерянные дети	9
КАРТА ИЗ ПЫЛИ. 1882	27
2. Огоньки под кожей	29
3. Ребенок на краю света	58
4. Человек из тьмы	82
5. Еще ярче	97
6. Пробуждение лича	113
7. Каждый незнакомец — новое начало	143
8. Чудовища в тумане	160
9. Дом номер 23 по Никель-стрит-Уэст	175
10. Затишье перед бурей	194
11. Светящийся мальчик	202
ИСЧЕЗНОВЕНИЕ ДЖЕЙКОБА МАРБЕРА. 1873	227
12. Комако и Тэси	229
13. Джейкоб Потрошитель, Джейкоб Убийца	244
14. Надежда — заводное сердце	264
15. Девочка, которую видели	273
16. Друг	289
ИНСТИТУТ. 1882	305
17. Пробуждение в поместье Карндейл	307
18. Юные таланты	317
19. Оранжевая	332
20. Пропавшие	343
21. Чужие тайны	362
22. Пределы невозможного	371
23. Бывшие и мертвые	395

24. Паук	410
25. Ночные создания и другие печали	425
26. Дом со множеством дверей	441
27. Охота на Марбера	461
28. На следующее утро	475
ЗЛОДЕЯНИЯ ДЖЕЙКОБА МАРБЕРА. 1874	481
29. Мужчина, ребенок, монстр	483
30. В подземном туннеле	496
31. Начало	507
СКВОЗЬ ДЫМ. 1882	519
32. Человек на ступенях мертвецов	521
33. Грассмаркет	538
34. Мир, преисполненный печали	551
35. Пар и железо	561
36. Истина алхимика	571
37. Станный механизм судьбы	590
38. Повсюду земли мертвых	602
39. Тьма сгущается	607
40. Всё и ничего	619
ЭПИЛОГ	658
БЛАГОДАРНОСТИ	668
ОБ АВТОРЕ	669